

За пределами времени... Тоска по прошлому

*Надежда Натова**

*Что было и
не будет вновь...*

Исследовательская и критическая литература о Пушкине уже почти необозрима. Однако новые материалы, найденные в архивах, новое прочтение многих его произведений, а также иное отношение к нему побудили исследователей продолжать и расширять уже имеющиеся работы. Детально исследованы окружение поэта, места его пребывания, многие биографические данные. Вновь обращают внимание на источники, смысл и значение многих произведений поэта. Чтобы показать новизну, смысл и значение подобных работ, упомянем лишь две статьи, появившиеся в самое последнее время: статью известного пушкиниста Сергея Давыдова «Последний лирический цикл Пушкина» и статью молодой американской славистки Ванессы Биттнер «Стихотворение А. С. Пушкина ‘Не дай мне Бог сойти с ума’ и рисунок ‘сумасшедшего дома’». ¹

* Nadine Natov — Professor Emerita of Russian Literature at The George Washington University, Washington, D.C., Honorary President of the International Dostoevsky Society and former President of the North American Dostoevsky Society. Her publications include books on Feodor Dostoevsky and Mikhail Bulgakov, as well as articles on Dostoevsky, Bulgakov, Turgenev, Pushkin, Chekhov, Albert Camus and contemporary Russian literature and theater.

Цель моего эссе — сосредоточить внимание исключительно на тексте некоторых произведений Пушкина-поэта, в которых особенно ярко выражено чувство времени, неудержимое погружение настоящего в прошлое. Чувство быстротекущего времени, уносящего из сегодняшней жизни всё — как печальное, так и радостное, хорошее, позволило поэту уже в раннюю пору его жизни предвидеть и будущее, неизбежный конец всего.

Ценность каждого «утраченного» дня невозместима — он может быть запечатлен только в воспоминаниях. Биограф Пушкина Ю. М. Лотман замечает, что у поэта нет воспоминаний о своем раннем детстве. Понятие «родного дома» воплотилось в Царско-сельском Лицее, куда Александра привезли двенадцатилетним мальчиком. Но этот идеализированный образ Лицея в значительной степени отличается от реального.² Пушкин увековечит образ «родного дома» в стихах, посвященных Лицею и Царскому Селу, а также своим друзьям-лицеистам.

* * *

Юный Пушкин учился и жил в Царскосельском Лицее в продолжении шести лет — с 1811 по 1817 год. Среди 29-и своих однокурсников (осенью 1811 года в Лицее было принято 30 учеников) Пушкин выделял несколько человек: это были Иван Пуштин, барон Антон Дельвиг, князь Александр Горчаков и Вильгельм Кюхельбекер. Заметим, что в Лицее процветал культ дружбы и поэзии; многие лицеисты писали стихи, некоторые из них стали известными поэтами.

Популярный в ту эпоху жанр *посланий* сохранил отношение юного Пушкина к друзьям и к условиям, в которых он жил в лицейские годы. Особенно часты послания Пушкина, обращенные к барону Дельвигу, Пушину и князю Горчакову, а также к любимому учителю, профессору Александру Ивановичу Галичу, преподававшему в Лицее в 1814-15 гг. латинскую и русскую словесность.

В 1814 и 1815 гг. Пушкин часто посвящал стихи группе своих соучеников. Так, в стихотворении «Пирующие студенты» (1814), с веселым юмором описана школьническая проделка группы друзей, устроивших ночью пирушку — пунш и шампанское искрились в рюмках:

Друзья, досужий час настал;
Всё тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда вино златое!

Обращаясь к друзьям, поэт называет по имени только Дельвига:

Дай руку, Дельвиг!
.....
Вгляни: здесь круг твоих друзей!
Бутыль вином налита!
За здоровье нашей музыки пей,
Парнасский волокита.....

Остальные участники пира представлены описательно:

князь Александр Горчаков —

А ты, красавец молодой,
сиятельный повеса!

Иван Пущин, внук адмирала П. И. Пущина —

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,.....

Иносказательно упомянуты также И. Малиновский, сын первого директора Лицея Василия Федоровича Малиновского, поэт и певец Николай Корсаков, талантливый скрипач Михаил Яковлев.

В конце шутливой пародии поэт, который уже видит «всё вдвоем» и «вся комната пошла кругом», обращаясь к самому серьезному из лицеистов Вильгельму Кюхельбекеру, говорит:

Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Подобная же веселая проделка описана в стихотворении «Воспоминание» (1815) с подзаголовком «К Пущину»:

Пятого сентября 1814 г. Пушкин, Пущин и Малиновский устроили тайную пирушку, продукты для которой доставил им ли-

цейский «дядька» Фома. Сведения об этой веселой шутке дошли до начальства и все трое участников этого «важного проступка» были наказаны.

Обращаясь к Пущину, поэт пишет:

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Поэт напоминает другу «Как укрывшись молчаливо/В нашем темном уголке» резвые лицеисты «Шептались вокруг пуншовых бокалов» и курили грошковые трубки. «Вдруг педанта глас ужасный / нам послышался вдали...»... Пришлось скорее разлить вино и все трое торопливо убежали с «хохотом чистого веселья». Поэт обещает друзьям этот «сладкий Вакха заговор» не забыть, а «Всякий год в часы беспечны/Поминать его вином».

Пушкин оставил друзьям свое «завещание». В 1815 г. он пишет «Мое завещание друзьям» — шутливое приглашение «на тихий праздник погребенья»:

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь.....

Поэт прощается с друзьями и просит их поминать его весельем. Не называя его имени, поэт приглашает Дельвига:

Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру,
Да будут музы над тобой!...

Называя по имени только Пущина, поэт обращается к нему со словами:

Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пушин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!...

Обращаясь ко всем приглашенным, поэт восклицает:

Друзья! Вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней!...

Готовый умереть, поэт зовет друзей:

Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».

Веселые, шуточные строки появятся еще в последний раз в послании «Товарищам» (1817), незадолго перед окончанием курса в Лицее. Любимый «дом» именуется здесь «заточеньем» и пародийно рисуется будущее выпускников:

Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе,
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;.....

Одни хотят начать военную карьеру, другие — дипломатическую или административную. Лишь сам поэт, «Душой беспечный, равнодушный»; ему «равны» всевозможные должности, он никуда не «рвется». Пушкин чувствовал, что его место *вне* всех возможных должностей — место свободного и независимого творца поэзии.

Итак, из многих посланий 1814-1815 гг. видно, что Лицей для юного Пушкина — родной дом, а друзья-лицейцы — дружная семья. Но постепенно настроение изменяется; это видно уже в «Элегии», написанной в начале 1817 г. по поводу возвращения в Лицей

после рождественского отпуска, когда лицеистам было впервые разрешено выезжать из Царского Села:

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.

Но поэт чувствует, что он изменился; уже другие думы занимают его:

Уж я не тот... Невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.

В 1817 г. появляются другие ноты: участник многих веселых проделок в предыдущие годы Пушкин все чаще думает о предстоящей разлуке: «Что было и не будет вновь» — такова была постоянная мысль юного поэта в последний год Лицея, запечатленная в стихотворении «В альбом Пушину» (1817). Всё сильнее звучит мотив разлуки, ухода настоящего в прошлое:

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья
Печали, радости, мечты души твоей
.....
Что было и не будет вновь...
.....

Пушкин обращается к Пушину, своему первому другу в Лицее, и просит не забывать союза с первыми друзьями, помнить, что:

Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

Сходен текст элегии «Разлука» (1817), носившей в первой редакции название «Кюхельбекеру»:

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимают наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!

.....

Пушкин желает своему другу Кюхельбекеру остаться верным его идеям и искусству, а сам обещает быть «верен святому братству». Не ведая, какая страшная судьба ожидает его друга-философа, Пушкин желает ему тишины и покоя:

И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!

Послание «Князю А. М. Горчакову» (1817) написано когда Пушкину исполнилось 18 лет. Это послание — прощание с прошлым и взгляд на будущее обоих друзей:

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавной?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет:
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.

.....

Юный поэт уже хорошо представляет себе этот новый свет, новую реальную жизнь. Для князя Горчакова будущее приготовило успехи — ему Фортуной

Указан путь и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна...

Для князя Горчакова «пришли златые дни»; себя же поэт не обманывает мечтой. Он говорит: «Вся жизнь моя печальный мрак ненастья!!» Он счастлив был всего «две-три весны» —

Они прошли, но можно ль их забыть.
Они прошли, но скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навек, —
На краткий путь, усыпанный цветами,
Я слезы лью

Как покажет реальная жизнь, элегически настроенный восемнадцатилетний юноша окажется прав — князя Горчакова ожидала блестящая карьера, ему же суждена была трудная, печальная доля. Но поэт не ропщет:

... и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье
Мой скромный дар и счастье друзей.

* * *

Два названия мест — *Царское Село* и *село Михайловское* — до конца жизни поэта часто упоминаются в его стихах и письмах. Царское Село — это *дом*, где юный поэт провел шесть веселых и беспечных лет. Село Михайловское — имение его матери — было местом частого пребывания поэта, но не стало его *домом*, приютом спокойствия и воли.

Еще мальчиком в Царском Селе, Александр Пушкин стал свидетелем великих исторических событий. В 1812 г. через Царское Село проходили русские войска на решающее сражение и лицеисты следили за дальнейшим ходом событий, которые произвели на юного Пушкина неизгладимое впечатление; он часто возвращался к ним в своих воспоминаниях и раздумьях.

Впервые Пушкин изложил свои впечатления в оде-элегии «Воспоминания в Царском Селе», написанной в 1814 г. и прочитанной поэтом на переходных экзаменах 8-го января 1815 г. Обраца-

ясь к Царскому Селу в 1819 г., поэт приветствует свидетеля своей ранней юности:

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.

«Веди, веди меня под липовые сени» — просит поэт своего гения-воспоминание и рисует картины парков, холмов и озера Царского Села.

Позднее, в воспоминаниях, посвященных ежегодному собранию лицеистов в годовщину основания Лицея в 1811 г., роль и значение Царского Села в жизни 30-ти первых лицеистов все более возрастает. В элегии «19 октября» (1825) Пушкин восклицает: «Отечество нам Царское Село».

В элегии «Воспоминания в Царском Селе», написанной в 1829 г. по поводу посещения Царского Села после длительного перерыва, личное прошлое поэта соединяется с историческим прошлым Села, с событиями 1812 г.:

Воспоминаями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

Поэт никогда не забывал Царского Села: «...предчувствуя беды/Я думал о тебе, предел благословенный/Воображал сии сады!!» Теперь, бродя по аллеям садов, поэт в ярком воспоминании возрождает свои юношеские годы:

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый,
И вижу вновь семью друзей

В дальнейших строфах личные воспоминания сливаются с историческим прошлым Царского Села: «И въявь я вижу пред собою/Дней прошлых гордые следы». Картина войны вновь рисуется поэтом, как бы повторяя впечатления юности, описанные в 1814 г. в первом стихотворении «Воспоминания в Царском Селе»:

Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас летят
И тучи конные, брадатая пехота
И медных пушек светлый ряд...

Царское Село еще раз доставит поэту радость, когда молодые супруги Пушкины проведут там лето и осень 1831 г.

После окончания Лицея Пушкин провел лето 1817 г. в селе Михайловском, принадлежавшем его матери Надежде Осиповне, урожденной Ганнибал. Пушкин часто бывал в это время в соседнем имении Тригорском и подружился с сыном владелицы имения Алексеем Николаевичем Вульфом и со всей большой, дружной семьей Вульфов-Осиповых. Уезжая из Михайловского, Пушкин написал прощальное стихотворение в альбом владелицы Тригорского, Прасковьи Александровны Осиповой, всегда радушно принимавшей юного поэта:

Простите, верные дубравы!
Прости беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!)
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Поэт не ведает, что ему предстоит через несколько лет длительное пребывание в Михайловском, но при других обстоятельствах. Будучи сослан в Михайловское в 1824 г., поэт будет мечтать вырваться из неволи. Парадоксален тот факт, что эта ссылка давала ему возможность творческой свободы и независимости поведения. Опальный поэт вновь станет частым гостем Тригорского.

Но еще до ссылки поэт вернется в Михайловское по своей воле, когда, из-за болезни, проведет там лето 1819 г. Там он пишет свое знаменитое произведение «Деревня». Оно состоит из двух частей: в первой части дано прекрасное поэтическое описание пейзажа и радости снова быть в Михайловском:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубрав, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда.

Вторая часть стихотворения — это гневное обличение крепостного права и жестокостей, с ним связанных: «Но мысль ужасная здесь душу омрачает...» Эта вторая часть сложилась под влиянием бесед на собраниях в доме братьев Тургеневых и теоретических работ Николая Ивановича Тургенева. Проведя лето в Михайловском, Пушкин узнал много конкретных фактов о не-

обычайной жестокости некоторых помещиков Псковского края по отношению к подневольным крестьянам, присвоив себе «насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца». «Деревня» быстро распространилась в списках по Петербургу. Это произведение Пушкина было напечатано Герценом в Англии только в 1856 г.

Следующий приезд (точнее: ссылка) Пушкина в Михайловское состоялся 9-го августа 1824 г. «И был печален мой приезд», писал Пушкин в черновиках «Путешествия Онегина». Вскоре произошла размолвка с отцом; родители ссылке поэта уехали из Михайловского. Александр остался один со своей верной няней Ариной Родионовной.

Пушкин преодолел одиночество, непривычный ему деревенский быт и моральную тяжесть ссылки силой своего гения, посвящая свое время творчеству. Жизнь его оживлялась поездками в Тригорское и общением с его обитателями. Двадцатого сентября 1824 г. Пушкин пишет Алексею Вульф в Дерпт, приглашая его приехать в Михайловское навестить его:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой.

Алексей Вульф учился в Дерптском университете вместе с поэтом Николаем Языковым, творчество которого Пушкин высоко ценил.

В тот же день, 20-го сентября 1824 г., Пушкин пишет послание «К Языкову». Он приветствует Языкова как близкого ему человека:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью...

Поэт Пушкин ждет встречи с поэтом Языковым:

Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей...

Но даже недалежного путешествия опальный поэт не может совершить — он неволен в своих действиях. Пушкин пишет, удрученный тоскою:

Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнание
Влачу закованные дни...

В этом послании высказана жажда интеллектуального общения с людьми сходных интересов и особенно ярко выражена тоска по своему *дому*, тяжесть бесприютности, от которой еще долго будет страдать Пушкин. Он призывает Языкова посетить его в Михайловском: «Я жду тебя», пишет Пушкин и надеется, что, может быть, другой их друг-поэт присоединится к ним:

И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг все для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнания темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары...

Языков посетит Пушкина в Михайловском лишь в 1826 г., Дельвиг — в апреле 1825 г.

Общение с дружной семьей Вульффов-Осиповых помогло Пушкину справиться с тяготами его одинокого бытия. Его поездки в Тригорское стали особенно часты летом 1825 г., когда туда приехала Анна Петровна Керн, племянница Осиповой. Романтическое

увлечение Пушкина Анной Керн, ее идеализированный образ и действие любви и красоты на поэтическое вдохновение запечатлены в несравненном послании к ней.

Почти в то же время появляется «Вакхическая песня», изумительный гимн жизни, уму и вдохновенью:

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жёны, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Поэт стремится к свету, к солнцу, к свободе и мечтает об освобождении из ссылки.

В 1825 г. ссыльный поэт снова встречается с тремя своими близкими друзьями-лицеистами Пушиным, Дельвигом и Горчаковым. Пушин посетил Пушкина 11 января; Дельвиг гостил у него в апреле; встреча с Горчаковым произошла в сентябре, когда Горчаков проездом останавливался у своего родственника в селе Лямонове, неподалеку от Михайловского. Эта встреча оживила лицейские воспоминания поэта и Пушкин посвящает длинное стихотворение четырнадцатой годовщине Лицея — «19 октября».

День основания Лицея, 19 октября 1811 г., Пушкин несколько раз воспел в стихах. В них выражена элегическая грусть об ушедших днях, о невозвратном прошлом вместе с воспоминанием о веселых забавах и дружбе. Это прошлое лицеистов и их дружба становятся святыней. Пушкин пишет в 1825 г.:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас не бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

В 1825 г. поэт встречает годовщину Лицея один, в селе Михайловском холодной осенью:

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день, как будто поневоле,
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Поэт пьет один и тоскует:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

«Я пью один», повторяет поэт и воображение рисует ему, как на берегах Невы его друзья пируют и вспоминают его, отсутствующего:

Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Не он один не пришел на пир: не пришел и «кудрявый певец» — юный композитор Николай Корсаков умер во Флоренции в 1820 г.

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной;
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел приют унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Также иносказательно упоминается и другой отсутствующий друг — Федор Матюшкин. Став моряком, он ушел в кругосветное плавание. Поэт видит отважного мореплавателя, мечтающего среди бурных волн о лицейском прошлом:

Ты постирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Эти слова были сочинены Антоном Дельвигом в прощальной песне на день окончания Лицея и повторялись каждый год на собраниях лицеистов. В ранней редакции поэт напоминает друзьям «золотые дни» Лицея. В окончательном тексте центральное место занимает встреча ссыльного поэта с его тремя близкими друзьями:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Далее поэт упоминает Горчакова и Дельвига:

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе, — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной;
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вешун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благославил.

Четвертый близкий друг Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, был далеко: он служил на Кавказе, а затем был за границей. Обращаясь к нему, Пушкин называет его «мой брат по музе, по судьбам» и делит с ним свои размышления о назначении поэта:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди: огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Поэт сообщает друзьям о своем предчувствии их скорой встречи:

Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний,...
Промчится год, и я явлюся к вам!...

И вместе с ними он будет прославлять Лицей и в его честь поднимать чаши с вином:

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови; да здравствует Лицей!

Поэт заканчивает свое длинное послание-воспоминание советом наслаждаться каждой минутой их встречи:

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...

Отметим, что особо сильное впечатление произвело на опального Пушкина неожиданное посещение Ивана Ивановича Пущина: его оживили картины беспечных лицейских дней и усилилось чувство изменчивости времени. Посещение опального поэта было не безопасно для обоих. После отъезда Пущина, Пушкин тут же в январе написал свое прекрасное «Послание Пущину». Оно состояло из двух частей. Но при посылке в печать в 1826 г. вторую часть пришлось заменить: 14 декабря 1825 г. Пущин вышел на Сенатскую площадь и был один из деятельных руководителей восстания. Он был приговорен к двадцати годам каторги, которую он отбывал в Нерчинске:

Мой первый друг, мой друг, бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил!

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Пушкин описал свой приезд к Пушкину в своих воспоминаниях: «Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилося; как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьем и пьем на вечную разлуку!» Разлука оказалась вечной: Пушкин сказал другу о своем участии в декабристском движении. Ю. М. Лотман замечает в своей биографии Пушкина, что поэт помнил Пушкина — своего первого друга — до конца жизни: «умирающий Пушкин назвал его имя».³

О судьбе своего четвертого друга — Вильгельма Кюхельбекера — Пушкин узнал в 1827 г. Неожиданная трагическая встреча с Кюхельбекером произошла 14 октября 1827 г. на станции Залазы, где Пушкин остановился на пути из Михайловского в Петербург. Пушкин с трудом узнал в исхудавшем бледном арестанте своего друга, которого фельдегерь перевозил из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую как государственного преступника. Друзья бросились друг другу в объятия, но были грубо разлучены жандармами. Об этой встрече Пушкин рассказал в своем *Дневнике*, в записи от 15 октября 1827 г.

После 19 октября 1825 г. Пушкин посвятил годовщине Лицея стихи в 1827, 1828, 1831 гг. и, в последний раз, в 1835 г.

* * *

Мечта о возможном освобождении из ссылки высказана Пушкиным также в послании «П. А. Осиповой», вписанном в ее альбом 25 июня 1815 г.:

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но поэт не забудет своих друзей, если уедет из Михайловского:

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

И даже «из глубины могильной» его «тоскующая тень» прилетит в «родную сень» «на милых бросить взор умильный»:

Когда померкнет ясный день
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Это краткое послание чрезвычайно интересный пример воспоминания о прошлом уже сегодня предвиденного в далеком будущем. Но и освободившись из ссылки, поэт не прервет своих сношений с Михайловским и Тригорским и посетит друзей уже в 1827, а также и в 1835 г.

* * *

Смутное предчувствие поэта о грядущей перемене жизни вскоре оправдалась. В сентябре 1826 г. он был вызван императором Николаем I в Москву. Как известно, в ночь с 3-го на 4-е сентября 1826 г. было привезено фельдегерем в Михайловское приказание Пушкину немедленно отправиться в Москву. Пушкин прибыл туда 8 сентября и сразу был доставлен в кабинет Николая I. Ссылка окончилась.

Московское общество встретило Пушкина, уже известного поэта, с воодушевлением. Налаживались связи с литературными и журнальными кругами. М. П. Погодин, редактор *Московского Вестника* и член кружка Любомудров, с восторгом вспоминал через сорок лет какое сильное впечатление произвело на собравшихся у поэта Веневитинова литературоведение Пушкиным его неопубликованной трагедии *Борис Годунов*: «Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно...» Но вскоре появились трудности как с участием Пушкина в литературных журна-

лах, так и с печатанием его произведений. Установленный над поэтом цензурный надзор, осуществляемый Бенкендорфом, всё более тяготил Пушкина. Император разрешил Пушкину напечатать его трагедию полностью только в 1831 г.; до тех пор были напечатаны отдельные сцены.

Встреча с лицейскими друзьями в Петербурге вновь вызвала воспоминания о Лицее. В 1827 г., после семилетнего перерыва, Пушкин вновь принял участие в праздновании лицейской годовщины. В кратком стихотворении «19 октября 1827», как и в послании, написанном два года до этого в Михайловском, поэтом иносказательно упомянуты моряк Матюшкин, дипломат князь Горчаков и ссыльные друзья-декабристы Пущин и Кюхельбекер. Поэт желает друзьям Божьей помощи в их карьере и судьбе и поминает тех, кто томится в заточенье на каторге:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Это стихотворение дошло до ссыльных. Опальный декабрист Пущин пишет в своих воспоминаниях: «И в эту годовщину, в кругу товарищей-друзей, Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, кого они не досчитывались на лицейской сходке».

Через год, находясь непрерывно в разъездах, Пушкин пишет краткое четверостишие «19 октября 1828». Уезжая сразу после соборания бывших лицейстов в село Михайловское, Пушкин шутливо прощается с друзьями:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Три года после возвращения из ссылки — 1827-1830 гг. — были очень трудными для поэта. К теме лицейской годовщины он вернется лишь в 1831 г.

Затруднения Пушкина были не только издательские: шло расследование дела о его элегии «Андрей Шенье», французском поэте, казненном во время французской революции. Дело рассматривалось на заседании Государственного Совета в июне 1828 г. Элегия, написанная в 1825 г., в Михайловском, была напечатана в сборнике стихотворений Пушкина 1826 г. с цензурными сокращениями. Выпущенные стихи распространялись в списках и стали известны правительству. Поэт почувствовал изменение отношения к нему людей, близких к правительственным кругам. Свою тревогу поэт выразил в стихотворении «Предчувствие» (1828):

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?
.....

У поэта по-прежнему нет своего *дома*; он непрерывно в разъездах — им «овладело беспокойство, охота к перемене мест» — состояние его героя Онегина после дуэли с другом Ленским. По подсчетам Юрия Лотмана, Пушкин в эти годы два раза ездил в Михайловское, несколько раз совершал поездки из Петербурга в Москву и обратно; четыре раза ездил в Малинники, тверское имение своих друзей Вульфов.⁴ Просьба разрешить ему поездку за границу встретила отказ императора.

Тоска, граничащая с отчаянием, отражена в трагическом стихотворении, написанном поэтом 26 мая 1828 г. на день его рождения:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?...

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

* * *

Пушкин познакомился с Натальей Николаевной Гончаровой в Москве в декабре 1828 г. на балу у танцмейстера Иогеля. Первого мая 1829 г. поэт просил руки Натальи Николаевны. Ответ был неопределенный: мать ответила, что ее дочь еще слишком молода — ей было тогда 16 лет. Неизвестность окончательного ответа тревожит поэта и заставляет его искать ухода от тоски в путешествиях. Получив опять отказ на поездку за границу, Пушкин без разрешения едет на Кавказ. В начале мая 1829 г. он выезжает из Москвы и едет в Тифлис, Карс и Арзрум, в действующую армию. Поэт возвращается в Петербург в августе, где его ждут большие неприятности из-за самовольной поездки на Кавказ. Весной 1830 г. Пушкин едет в Москву; шестого апреля он вторично просит руки Натальи Николаевны и получает ее согласие. Шестого мая состоялась помолвка Пушкина с Натальей Николаевной.

Теперь надо было решать денежные проблемы и поэт едет в Болдино. Пушкин часто мечтал о тихой спокойной жизни, когда никто не мешал бы его творчеству. Перед поездкой в Болдино для устройства дел по введению его во владение частью нижегородского имения, выделенной ему отцом, поэт писал 31 августа 1830 г. своему другу и издателю П. А. Плетневу: «Еду в деревню. Бог весть буду ли там иметь время, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь». Третьего сентября Пушкин приезжает в Болдино с надеждой быстро устроить все дела и вернуться в Москву. Но холерная эпидемия достигла нижегородского края и по дороге в Москву было установлено четырнадцать карантинных. Эпидемия холеры распространяется и доходит уже до Москвы, где осталась обожаемая поэтом невеста. Тревожась за нее, Пушкин несколько раз пытается прорваться через карантин и вернуться в

Москву. Но все попытки оказались тщетны — каждый раз ему приходилось возвращаться в Болдино. Беспокойство Пушкина о судьбе невесты, неизвестность о своем собственном положении, раздражение, вызванное неудачными поездками, отразились в письмах поэта к невесте и друзьям, а также в стихотворениях этой поры.

Особенно ярко выражено настроение поэта в стихотворении «Дорожные жалобы», написанном 4 октября 1830 г.:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил.

В последующих трех четверостишиях поэт перечисляет все случаи дорожной смерти, которая, может быть, суждена ему, затем, в трех четверостишиях — сожаление об отсутствии у него постоянного места пребывания, своего *дома*:

.....
То ли дело, братцы, дома!...
Ну, пошел же, погоняй?...

Здесь же в Болдине, Пушкин заканчивает начатое еще прошлой зимой стихотворение «Бесы». Частые поездки вызывали философские размышления о трудном уделе поэта, лишённого своего крова, спокойствия и независимости. «Бесы» — это изумительное художественное сочетание реальной и мистической опасностей, окружающих человека:

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Это произведение, полное философских мыслей, отражает не только настроение поэта и его эпоху; оно применимо и ко многим будущим периодам истории и жизни человека; смысл его вечен.

Здесь же в Болдине в сентябре 1830 г. Пушкин пишет «Элегию». Прошлому и воспоминаниям о нем противопоставляется неожиданно будущее:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Неожиданно, среди всех трудностей и печалей, поэт восклицает:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволенья;
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Поэт был прав: в краткие мгновения, когда улегалось беспокойство о невесте, творчество и поэтическое вдохновение были утешением. Как известно, знаменитая «болдинская осень» ознаменовалась высочайшим напряжением творческих сил: в Болдине Пушкин создал много замечательных произведений.⁵

После многих затруднений и задержек в пути, Пушкин вернулся в Москву 5 декабря 1830 г. Здесь возникли новые трудности — в связи с его женитьбой, его неустойчивым положением и плохим отношением к нему матери невесты.

Наконец, 18 февраля 1831 г. состоялась свадьба Пушкина и Наталии Гончаровой. После венчания новобрачные поселились на Арбате, в квартире, отделанной Пушкиным. Это был первый в его жизни «свой дом». Друзья поздравляли поэта с окончанием «кочевой жизни»: ведь до свадьбы он жил по трактирам или у друзей. Друзья, которых новобрачные принимали у себя, удивлялись как

хорошо было устроено хозяйство в доме молодых Пушкиных. Здесь поэт нашел счастье, которого он так долго ждал. Отвечая на поздравительное письмо своего друга П. А. Плетнева, Пушкин пишет 24 февраля 1831 г.: «Я женат и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в моей жизни не изменилось — лучшего не дождусь».

Жизнь идет вперед, надо было заботиться о будущем. В середине мая 1831 г. Пушкины переезжают в Царское Село, где они живут лето и осень в небольшой уютной даче. Здесь молодые супруги обрели полную независимость и свободу действий. Это было воплощение идеи *своего дома*, о чем поэт мечтал особенно в тяжелые для него годы после возвращения из Михайловской ссылки. Как замечают Ободровская и Дементьев, «Те несколько месяцев, которые молодые супруги провели в Царском Селе, вероятно самые безоблачные в их совместной жизни».⁶ Прекрасная природа Царского Села, прогулки по аллеям парка, приятные воспоминания лицейских дней, общение с близкими друзьями, проводившими лето на даче в Царском Селе, а также возможность уединения, необходимого для занятий — всё способствовало счастью поэта.

Это пребывание в Царском Селе ярко оживило воспоминание о жизни в Лицее и о лицейских друзьях. Пушкин пишет элегию, посвященную 20-й годовщине Лицея:

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее:
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали, рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Поэт скорбит о быстроте хода времени всё уносящего с собой. Двадцать лет, прошедших по открытии Лицея, уже унесли семь человек; Пушкин знал о смерти шестерых и вспоминает о них, не называя их имен:

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

Больше всего поэт скорбит о скончавшемся в январе 1831 г. своем любимом друге Антоне Дельвиге; Пушкин уже предвидит свой конец:

И мнится, очередь за мной, —
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждою некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

Пушкин как будто услышал голос своего ушедшего друга — через пять с небольшим лет он будет следующим, покинувшим лицейских друзей.

В июне 1831 г., из-за холеры, уже достигшей Петербурга, в Царское Село переезжает двор и царская чета. Пушкины встрети-

лись с императором на прогулке: император согласился с желанием Пушкина писать историю Петра Великого. Пушкину были открыты государственные архивы и положено небольшое жалованье, как находящемуся на службе.

В октябре Пушкины переезжают в Петербург. Условия жизни сильно изменяются. Новая жизнь требовала больших средств, которых у Пушкина не было. Заботы о семье и интенсивная светская жизнь, связанная с балами, приемами и различными придворными церемониями, оставляла мало времени для работы. Задуманная *История Пугачева* нуждалась в исследованиях — это была первая работа, основанная на подлинных источниках — и требовала разрешения.

Осенью 1833 г. Пушкин получил четырехмесячный отпуск и поехал на Урал, в Оренбургскую и Казанскую губернии «по следам Пугачева» собирать нужный ему материал. Затем он едет в Болдино, где заканчивает *Историю Пугачева*, пишет «Медного Всадника», «Пиковую даму» и две сказки. Это была его вторая «болдинская осень». Двадцатого октября Пушкин возвращается в Петербург.

В конце декабря 1833 г. император Николай I пожаловал Пушкину чин камер-юнкера, чин, обычно дававшийся очень молодым людям, принятым на придворную службу. Поэт был оскорблен этим производством в чины. Первого января 1834 г. он записал в своем *Дневнике*: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтоб Наталья Николаевна танцевала в Аничкове...» Пушкин обязан был теперь являться в мундире камер-юнкера на все придворные церемонии и не мог отлучаться из Петербурга. Лишение независимости и свободы действий возмущало поэта и прибавляло новое тяжелое звено в длинной цепи тягот, сковывающих его. Седьмого января 1834 г. он записал в *Дневнике*: «Великий князь наемдни поздравил меня в театре. Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

Пушкин ненавидел свой мундир камер-юнкера и старался не присутствовать там, где надо было являться в придворных мундирах. Так, в записи от 8-го марта Пушкин говорит в *Дневнике* о бале у австрийского посланника Фикельмона «куда я не явился, потому что все были в мундирах».

Блистательные балы, обеды, посещения театров отнимали

много времени, необходимого Пушкину для работы над историей Пугачева и Петра I. Шестого марта 1834 г. он записывает в *Дневнике*: «Слава Богу! Масленица кончилась а с нею и балы».

В марте 1834 г., по просьбе Пушкина, император дал ему взаймы на два года 20 тысяч рублей на печатание *Истории Пугачева*. Этот долг тяжелым бременем лег на плечи поэта.

Трудности жизни возрастали: увеличивающаяся семья требовала больших расходов; времени для увлекших Пушкина исторических исследований не хватало. Мысль уехать с семьей в деревню все чаще занимает поэта. Свою мечту о спокойной независимой жизни с семьей в деревне он высказал в кратком, предельно выразительном стихотворении «Пора, мой друг...»:

Пора мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить... И глядь — как раз —
умрём.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

В рукописи этого незаконченного стихотворения, обращенного к жене, записано: «...О, скоро ли перенесу мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь, etc. — религия, смерть». Но попытка выйти в отставку окончилась неудачей. Необходимый поэту покой не был дарован ему судьбой; он должен был остаться в Петербурге.

* * *

В 1835-1836 гг., среди напряженной работы над исследованием истории Петра Великого, издательской деятельности и все усложняющейся светской и личной жизни, Пушкин вновь возвращается к воспоминаниям о своем пребывании в селе Михайловском, связывая с ним воедино и память о лицейских друзьях.

В последний раз Пушкин посетит Михайловское в 1835 г. после восьмилетнего отсутствия. В сентябре 1835 г. поэт посвящает

Михайловскому элегию, оставив ее без названия. Поэт вспоминает о своем двухлетнем пребывании в Михайловском со своей няней Ариной Родионовной, умершей в 1828 г. Поэт предается размышлениям о том, как много изменилось в его жизни. Изменился и он сам; но прошлое оживает в его памяти и навевает грусть:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных,
Уж десять лет прошло с тех пор —
и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — и здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах...

Поэт обходит все места, где он когда-то бродил и ездил, опять описывает прекрасный пейзаж. Теперь воспоминания о минувшем и сегодняшний день соединяются с историческими взглядами Пушкина на ход событий, на закономерность смены поколений и на их преемственность; он смотрит в будущее.

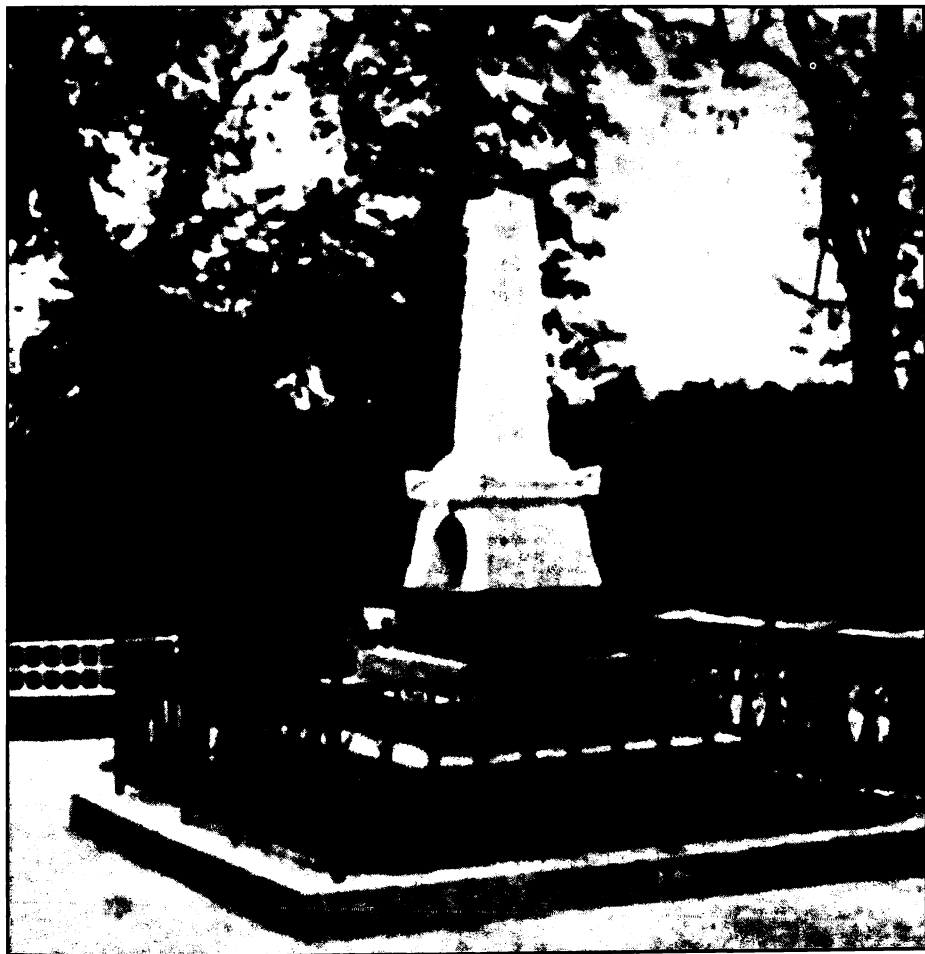
Проезжая вдоль границы дедовских владений, поэт видит знакомые три сосны — две из них стоят близко друг к другу и поэт вспоминает:

.....когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомый шум и шорох их вершин
Меня приветствовал.....

Опять проезжая теперь по знакомой дороге, поэт вновь увидел те же сосны. У их корней разрослась молодая роща. Поэт приветствует молодую поросль-зеленую семью, видя в ней символ смены поколений: «здравствуй, племя молодое, незнакомое!» Поэт знает, что не он увидит поздний возраст новой рощи. Но он мечтает о том, что его внук услышит приветливый шум деревьев, когда

С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Поэт тогда не ведал, что ему суждено еще раз вернуться в Михайловское — холодной зимой 1837 г. он будет сюда привезен и найдет вечный покой на холме Святогорского монастыря, у собора, куда он ходил во время своего изгнания.

*Святогорский монастырь.
Могила А. С. Пушкина*

В последний раз Пушкин уходит в воспоминания о лицейских днях в 1836 г., незадолго до своей трагической кончины. Он пишет элегию, не дав ей названия:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился;
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Поэт смотрит на уход «сегодня» в прошлое как на закон природы:

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лица день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!

Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон:
Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;

В следующих четырех строфах поэт напоминает друзьям все события, происшедшие за двадцать пять лет.

Упоминания об этих событиях — Отечественная война, судьба Наполеона, взятие Парижа, возвращения царя-победителя домой — перекликаются с прежними воспоминаниями, уже воспетыми юным поэтом в 1814 г. в его первом знаменитом стихотворении «Воспоминания в Царском Селе». В октябре 1836 г., в обращении к Лицею и лицейским друзьям, звучит не только печаль об ушедших золотых днях, но и высказаны частично взгляды Пушкина на ход истории и ее связь с человеком.

Элегия 1836 г. осталась незаконченной. Пушкин начал читать ее на собрании у бывшего лицеиста, музыканта М. В. Яковлева 19 октября 1836 г., но, по свидетельству мемуаристов, «от волнения закончить чтения не мог».

Но сила творческого гения поэта преодолевает все справедливые грустные размышления о погружении настоящего в прошлое. Сила гения возвышает его над прошлым и настоящим: его взгляд обращается к будущему. В 1836 г. Пушкин создает свой образ гения и непреходящей ценности великого искусства. Он пишет свою версию памятника Горация, ставшую его завещанием:

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит, —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в нем язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

Примечания

¹ Сергей Давыдов, «Последний лирический цикл Пушкина», *Русская литература* [СПб], № 2 (1999), стр. 86-108. В. Л. Биттнер, «Стихотворение А. С. Пушкина 'Не дай мне Бог сойти с ума' и рисунок 'сумасшедшего дома'», там же, стр. 198-205.

² Ю. М. Лотман, *Александр Сергеевич Пушкин* (Л.: «Просвещение», 1983), стр. 13-14.

³ Там же, стр. 133.

⁴ Там же, стр. 148-49. См. также новое издание Ю. М. Лотман, *Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960-1990. Евгений Онегин: комментарии* (СПб.: «Искусство-СПб», 1999).

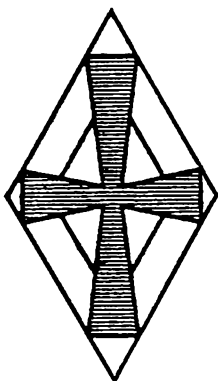
⁵ См. сб. *Болдинская осень*, составитель Н. В. Колосова. *Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, сказки, письма, критические статьи* (М.: «Молодая гвардия», 1974).

⁶ И. Ободовская, М. Дементьев, *Наталья Николаевна Пушкина. По эпистолярным материалам* (М.: «Советская Россия», 1985), стр. 63.

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В США

ТОМ XXX

VOLUME XXX

TRANSACTIONS
OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-
AMERICAN SCHOLARS IN THE U.S.A.

NEW YORK

1999-2000